

О.А. Шашкова

БОЕВОЙ ОПЫТ РУССКОЙ АРМИИ:
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ
ВОЕННОЙ АРХЕОГРАФИИ
КОНЦА XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

Серия статей посвящена проблеме организации военно-исторической службы русской армии и использования боевого опыта Российской империи в последней четверти XIX – середине XX в., а также судьбам археографических проектов, связанных с публикацией военных документов. Основное внимание уделено деятельности и изданиям военно-исторических комиссий Главного (затем Генерального) штаба империи, в советский период – Всероссийского Главного Штаба РККА. Прослеживаются судьбы военных редакторов и готовившихся ими изданий военных документов, прежде всего по истории Первой мировой войны. Особый акцент сделан на проблемах организации работы и вопросах археографии и источниковедения военной истории, связанных с изучением истории «Великой войны».

Ключевые слова: военная археография, Первая мировая война, военно-исторические комиссии, боевой опыт, источниковедение военной истории.

«Великая», «забытая», «империалистическая» – эта война долгое время не имела устоявшегося названия, – пока не началась новая, еще более опустошительная по своим последствиям, – «вторая». Именно после нее та, далекая, стала «Первой мировой». Ее трагический опыт, завершившийся революцией 1917 г., с первых дней приковал к себе внимание военных историков, тем более что к началу XX в. фигура военного историографа уже перестала быть необычным явлением в среде профессиональных историков.

Если во время первой Отечественной, войны 1812 г., М.И. Кутузов для освещения событий привлек поэта В.А. Жуковского, горевшего желанием донести весь драматизм событий до тыла, но далекого от образа «военкора», то вскоре за дело взялись специалисты.

Уже во времена Крымской войны события почти синхронно освещали не только многие газеты и общественно-политические журналы, но выпускались статьи и брошюры геополитического характера, начали публиковаться заметки и записки участников войны, а на страницах образованного незадолго до войны специализированного журнала «Морской сборник» велась особая рубрика¹. Прошло всего несколько лет и из печати стали выходить подборки документов и сборники, подготовленные профессиональными историками, в частности академиком Н.Ф. Дубровиным². Общее количество публикаций о событиях уже через 10–15 лет составляло несколько десятков. Так сохранялась память о войне, которая в глазах большинства современников стала свидетельством стойкости, силы духа, но отнюдь не позорной страницей, как впоследствии преподносилось советской официальной историографией.

Тот давний опыт издания документальных сборников стал, безусловно, начальным, достаточно далеким от «канона» научных публикаций, но равно не претендовавшим и на роль практического пособия для военных стратегов.

Более предметно вопрос был поставлен в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. К этому периоду Военно-ученый архив, пройдя период становления, смог решить задачу организации сбора оперативной военной документации. В то же время итоги Крымской войны привели к масштабным реформам военного ведомства. В 1863–1865 гг. Департамент Генерального штаба был преобразован сначала в Главное управление Генерального штаба, а затем в Главный штаб. Эта реорганизация оказала влияние, в том числе, на формирование прообраза военно-исторической службы нашей армии.

Вскоре после завершения Русско-турецкой войны³ образуется первая отечественная специальная Военно-ученая (военно-историческая) комиссия, которая силами сотрудников – штабных писарей, офицеров, в большинстве своем недавних участников войны, приступила к сбору военных документов. Задачей комиссии стала подготовка собрания материалов, где достаточно подробно освещалась командная деятельность военного руководства, положение сторон, ход сражений, был представлен ряд мемуаров и записок очевидцев событий, – в помощь военному ведомству.

Не вина комиссии, что последние тома этой грандиозной публикации выходили тогда, когда не могли оказать существенной помощи военным стратегам, – почти накануне Первой мировой, минуя даже Русско-японскую войну⁴. Трагические события Русско-японской войны следовали одно за другим: сдан Порт-Артур,

проиграна Мукденская битва, уничтожен флот, – а на заседаниях Военно-ученой комиссии продолжали обсуждать причины задержки верстки и проблемы подготовки томов 55, 65, 72 по истории Русско-турецкой войны (из будущих 97). Лишь по прошествии 33 лет ее труды были закончены.

Уже в ходе Русско-японской войны предполагалось, что неудачная организация работы военно-исторической службы будет учтена. Однако новые комиссии – «Военно-историческая комиссия для описания русско-японской войны 1904–1905 гг.» при Главном управлении Генерального штаба армии (с 1906 г.) и «Историческая комиссия для описания действий флота в русско-японскую войну 1904–1905 гг.» при Морском Генеральном штабе (1908 г.), увы, повторили старые ошибки⁵. Штабные офицеры, недавние участники войны, эти рекруты «документальной нивы», сумели собрать огромный материал⁶, но завершили издание ценнейших комплексов по истории войны 1904–1905 гг. лишь к 1914–1917 гг., когда этот опыт запоздал как минимум лет на десять⁷. В самый разгар Великой войны, накануне революций 1917 г. планы русского командования «образца 1904 года» по проведению мобилизации, развешиванию войск и т. п. уже мало интересовали военное ведомство.

К сожалению, сегодня трудно ответить на вопрос о причинах такой медлительности. Опыт, накопленный к тому времени мировой военной историографией, свидетельствовал, что за рубежом в течение буквально нескольких лет после окончания военных действий издавались серии военных документов, составлялась официальная история войны. Так, в служебной записке начальника Всероглавштаба генерала А.А. Свечина и начальника оперативного управления С.А. Кузнецова от 3 сентября 1918 г. говорилось, что, например, в Германии составление истории войны с Австрией 1866 г. было закончено через два года и ее опыт обобщался в докладе генерала-фельдмаршала Х.-К. Мольтке кронпринцу Фридриху Вильгельму в 1869 г.; изучение событий Франко-прусской войны шло в 1872–1881 гг., но самые первые выводы на основании изданных документов прозвучали в докладе того же Мольтке в 1871 г.⁸

В России же к началу Первой мировой войны стратегические планы и особенности тактических маневров предыдущих отечественных сражений, организация мобилизационных мероприятий были известны недостаточно, хотя их важность признавалась бесспорной. Особенно ценным, по мнению военных, являлся опыт современной войны, которую переживала страна и события которой властно вовлекали в свою орбиту все общество. В частности, в проекте Программы курса по истории русской армии для военно-учебных заведений 1916 г., составленном в Российском импера-

торском Военно-историческом обществе, говорилось, что целью курса является «заставить юнкера мыслью и сердцем проследить всю прошлую боевую жизнь армии от Петра Великого до наших дней... ознакомить юнкера с началами стратегии... с последней великой Европейской войной». При этом предполагалось особенный упор сделать на изучении этой «последней великой Европейской войны». Такая постановка вопроса была связана с тем, что, по мнению авторов, «принципы тактики не зависят от времени, что они неизменны во все эпохи и что меняются лишь способы их приложения»⁹.

Вневременность такого понимания проблемы была свойственна выдающемуся отечественному стратегу, перешедшему на сторону советской власти в 1918 г., а завершившему свой жизненный путь на полигоне «Коммунарка», генералу А.А. Свечину. В его уже упоминавшейся докладной записке говорилось, что «быстрое использование опыта войны способствует появлению военной литературы, а молчание – забвению ее». Главной целью военно-исторической службы Красной армии, которую генерал собирался организовать, должна была стать «эффективная помощь Красной армии, необходимо было «внести в нее новые приемы и понятия о военном искусстве новейшего времени, т. е. сделать ее боеспособной». Школа прошлых испытаний для этого признавалась неоценимой.

Так закладывался фундамент научного исследования военного опыта Первой мировой войны в РСФСР. Вполне вероятно, что его знание и своевременное использование могло бы изменить начало Великой Отечественной войны и ее дальнейшее течение.

Первыми историками Великой войны стали ее участники, хотя, безусловно, они не ставили перед собой подобной цели. Почти с самого начала боевых действий в свет выпускалось огромное количество синхронных событиям изданий: сборники приказов военного ведомства, подборки дипломатических документов, а также различная общественно-политическая литература (партийные воззвания и брошюры, публикации геополитического характера и др.)¹⁰. Эти весьма многочисленные издания (счет едва ли не на тысячи) играли важную информационную роль и имели немалое пропагандистское значение, но были далеки от обобщения опыта военных действий по определению.

В советской России, хотя в это сложно поверить, только до 1945 г. включительно по истории Первой мировой войны лишь работ военно-оперативного характера было опубликовано более 180 (из них почти 70 – переводные труды зарубежных военачальников,

военных историков, некоторые из которых издавались по два-три раза), дважды выходили указатели литературы¹¹, появилось не менее 50 сборников документов¹².

Первая мировая война вплоть до начала Великой Отечественной изучалась в нескольких направлениях – военно-стратегическом, внешнеполитическом и идеологическом. Однако постижение ее практических уроков, боевого опыта (военно-стратегическое направление) каждый раз превращалось в столкновение государственных интересов, которые отстаивали представители военных кругов, с позицией советской номенклатуры и ее идеями «классовой борьбы». Существование прикладного направления было жизненно необходимо до начала – середины 1930-х годов. Но ситуация развивалась так, что еще одна «необъявленная война» между военными, «узко» понимавшими проблему, и марксистскими историками, которые стремились извлечь из событий урок марксистского воспитания масс, продолжалась весь межвоенный период, и времени на изучение подлинного опыта военных действий 20-летней давности уже не осталось.

Впервые после Великой Отечественной войны о необходимости изучения материалов Первой мировой было сказано в 1967 г. в статье И.И. Ростунова «У истоков советской военной историографии». Там, в частности, признавалось важным «изучение боевого опыта мировой войны 1914–1918 гг.»¹³. Однако далее констатации этого факта, а также краткого конспекта истории военно-исторической службы Генштаба Красной армии автор не пошел, уделив по традиции основное внимание истории Гражданской войны.

В последующий период проблема не только не развивалась, но всячески замалчивалась. Возродивший жанр «военной историографии» Л.Г. Бескровный в ряде своих трудов останавливался либо на периоде до XX в., либо не доходя до Первой мировой войны¹⁴. Сборники статей, материалов конференций советского периода 1970–1980-х годов, если и касались темы использования боевого опыта русской армии в годы Первой мировой войны, то исключительно на уровне историографии отдельных тем, причем о трудной судьбе самих публикаторских проектов речи не шло¹⁵.

Более содержательный подход наметился начиная с середины 1990-х годов, когда вышел ряд монографий, сборников статей (напр., «Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории», 1994; «Мировые войны XX века», 2002 и др.), прошли знаковые для истории войны конференции, а также появились отдельные работы, непосредственно связанные с историографией и археографией Первой мировой войны¹⁶.

Таким образом, не только организация военно-исторической службы отечественных вооруженных сил в первой половине XX в., но и ретроспектива изучения боевого опыта русской армии в Первую мировую войну являются мало изученными проблемами.

Общеввропейский расклад сил и международная обстановка начала XX в., особенно после 1910 г., свидетельствовали, что грядут великие и трудные события. История войн Российской империи, подъем патриотических настроений – все эти задачи были положены в основу учрежденной 5 мая 1911 г. при Военно-походной канцелярии Его Императорского Величества Комиссии по описанию боевых трофеев русского воинства и старых русских знамен¹⁷. Основным местом хранения собранных реликвий должна была стать Государева Ратная палата, здание которой начали отстраивать в Царском Селе в 1913 г. – накануне грандиозного празднования 300-летия Дома Романовых¹⁸.

С началом Первой мировой войны приступили к активному сборанию и сохранению реликвий и военных трофеев: знамен, знаков воинских и военных отличий, созданию списка Георгиевских кавалеров и награжденных другими наградами, сбору анкет, фотографий, посмертных масок героически погибших, опросных листов бежавших из плена и др. Комиссия активно сотрудничала с Русским Военно-историческим обществом, Императорским Обществом ревнителей истории¹⁹, окончательно оформившимся еще в 1911 г.

В июне-сентябре 1915 г. Общество ревнителей истории и «Трофейная комиссия» организовали в Петрограде грандиозную выставку «Война и наши трофеи», которую посетило более полумиллиона человек, – более массовых выставок в Российской империи еще не бывало²⁰. Это стало толчком для создания при Обществе ревнителей истории другого Общества (Комиссии) по устройству музея Великой войны, они действовали затем сообща²¹. В обоих обществах числилось до 800 человек, и деятельность ими была развернута весьма примечательная: продажа фотографий экспонатов будущего музея, популярных брошюр, в том числе с описанием подвигов георгиевских кавалеров и воинских частей, устройство лекций и концертов, открытие временной экспозиции музея и др. Собранные в 1916 г. пожертвования составили 12 тыс. руб., а всего совокупный доход в последний предреволюционный год был 42 тыс. руб.²²

22 июня 1916 г. приказом военного ведомства № 329 при военно-походной канцелярии была образована еще одна Комиссия

(комитет) для сбора трофеев настоящей войны под председательством генерала Д.А. Скалона. Время новых преобразований наступило после Февральской революции. 6 июня 1917 г. приказом № 341 по Военному ведомству объявляется об учреждении Кабинета военного министра и реорганизации ряда предшествующих организаций, в результате чего обе «трофейные комиссии» объединились. Следующий документ был принят в том же месяце. Внутренний приказ № 75 по Комитету для сбора трофеев и увековечения настоящей войны в памяти народа от 23 июня 1917 г. гласил, что приказами по военному ведомству № 48 от 1915 г., № 341 и 362 от 6 и 19 июня 1917 г. Комитет для сбора, переписи и хранения трофеев (Скалоновская комиссия) и Трофейная комиссия при бывшей Военно-походной канцелярии объединяются в Комиссию для сбора, переписи и хранения трофеев настоящей войны и увековечения ее в памяти народа. Временно исполняющим должность председателя объединенной комиссии был поставлен начальник кабинета Военного министра полковник гвардии М.В. Колобов. В штат комиссии на тот момент, помимо руководства, входили 40 «солдат-специалистов» – художников, литераторов, фотографов. комиссия должна была квартировать в Петрограде, на Мойке, д. 90, а ее материалы – в архиве кабинета Военного министра – на Захарьевской, д. 19. Предполагалось также образовать при комиссии «трофейный совет» в составе 8–10 человек²³. Хотя специальных задач публикации собранных документальных материалов перед этими обществами и комиссиями не ставилось, можно предположить, что, продолжись существование этих учреждений, подобная работа была бы предпринята.

Значительную роль в появлении советской военно-исторической службы сыграли генералы В.Н. Клембовский и А.А. Свечин. Несмотря на их добровольный порыв и переход на сторону советской власти, к заключению сепаратного Брестского мира они были неготовы. Отношения с новыми коллегами, большевиками, складывались трудно, и в итоге в наркомате по военным и морским делам было принято решение о предоставлении бывшим царским генералам собственного поля деятельности. Так, 13 августа 1918 г. при Всероссийском Главном Штабе (Всероглаштабе) учреждается Комиссия по описанию войны 1914–1918 гг., которая с ноября того же года стала называться Комиссией по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. Сменился и ее начальник: вместо В.Н. Клембовского комиссию возглавил А.А. Свечин.

Именно работа комиссии А.А. Свечина косвенно повлияла на учреждение РВС Республики 24 декабря 1918 г. приказом № 443 Комиссии по организации и устройству Народного военно-

исторического музея войны 1914–1918 гг. в составе Военно-исторического отдела Всероглавштаба. Эта новая советская комиссия стала преемницей Комиссии для сбора, переписи и хранения трофеев настоящей войны и увековечения ее памяти в потомстве под председательством М.В. Колобова. В составе Комиссии были учреждены артиллерийско-технический отдел, санитарно-интендантский, документно-литературный, художественно-фотографический, знаменный, призванные заниматься сбором трофеев по определенным «отраслям» военной службы. Эта новая комиссия М.В. Колобова должна была завершить свою работу в 1924 г. учреждением Музея войны 1914–1918 гг. Однако уже 30 мая 1919 г. решением Малого Совнаркома она упраздняется, а ее материалы передаются в Наркомпрос. Последствия Брестского мира были поистине неисчислимы...

Комиссия же генерала А.А. Свечина продолжила свою деятельность, причем, судя по размаху, ему удалось убедить советское руководство в важности изучения боевого опыта и наладить работу по самому широкому кругу проблем.

(Продолжение следует)

Примечания

- ¹ *Ушинский К.Д.* Сведения о современном состоянии европейской Турции // Современник. 1854. № 4. С. 155–198; *Жоли В.* Ложь и действительность Восточной войны. СПб., 1855; *Берг Н.В.* Записки об осаде Севастополя: В 2 т. М., 1856; Блокада Карса: Письма очевидцев о походе в Азиатскую Турцию в 1855 г. Тифлис, 1856; Официальное французское известие о сражении под Петропавловском // Морской сб. 1855. № 1. С. 97–107; *Тарасенко-Отрешко Н.* Посещение в Крыму армий союзников и исчисление потерь в людях и деньгах, понесенных Францией, Англией и Пьемонтом в нынешнюю войну их против России. СПб., 1857; Собрание донесений о военных действиях и дипломатических бумаг и актов, относящихся до войны 1856 года. СПб., 1858 и др.
- ² Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя / Под ред. Н. Дубровина. Вып. I–V. СПб., 1871–1872 и др.
- ³ Частично материалы о ходе военных действий сохранились: РГВИА. Ф. 485 (Русско-турецкая война. 1877–1878 гг.). 1597 ед. хр. за 1876–1905 гг.; Ф. 482 (Военные действия России на Кавказе и документы по истории народов Кавказа). 256 ед. хр. за 1733–1901 гг.; и в некоторых других ассоциированных с проблемой фондах.
- ⁴ Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. 1–97. СПб., 1898–1912; Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре. Вып. 1–5: В 7 т. Тифлис, 1904–1911.

- ⁵ Главной задачей комиссий являлось издание материалов, которые бы представляли ход военных действий, сражений – как на суше, так и на флоте, распоряжения командования, действия в тылу, работу интендантства и т. п. Необходимо было документально синхронизировать события, выяснить их логическую связь и на основании этого прийти к выводам о причинах поражений, подготовить почву для проведения военных реформ, модернизации флота, дабы не повторять ошибок Русско-японской войны в дальнейшем. Комиссии выполняли также практические функции информационного центра, предоставляя материалы для военных историографов, составляя справки о павших героях или заслуживающих наград живых участниках. Так постепенно готовились материалы для написания официальной истории войны. (См.: РГВИА. Ф. 487. Оп. 1. Д. 18; *Рерберг Ф.П.* Исторические тайны великих побед и необъяснимых поражений. Записки участника русско-японской войны 1904–1905 гг. и члена Военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны 1904–1905 гг. Александрия, 1925). Однако такой взгляд на работу комиссий устанавливается на основании косвенных источников, так как их материалы практически не сохранились. В период проведения «макулатурных кампаний» материалы военно-исторических комиссий, а также документальные массивы по истории обеих войн значительно пострадали, о чем говорится в акте обследования Военно-исторического архива членом Бюро КПК, руководителем группы по военно-морским делам Н.В. Куйбышевым (братом скончавшегося к тому времени В.В. Куйбышева) от 25 октября 1936 г.: «...в период с 1922 по 1927 гг. было распродано [так в тексте – *О. III.*] в виде макулатуры ценнейшие фонды, например, громадный фонд Русско-Турецкой войны 1878–1879 гг., и Русско-Японской войны 1904–1905 гг.». Доклад направлялся Н.И. Ежову, В.М. Молотову, К.Е. Ворошилову и И.А. Акулову; вполне возможно, что документ повлиял на передачу архивной отрасли в ведение НКВД (см.: РГВА. Ф. 39352. Оп. 1. Д. 66. Л. 2).
- ⁶ Документы сохранились не полностью, см.: РГВИА. Ф. 487 (Коллекция документов по русско-японской войне 1904–1905 гг.). 1479 ед. хр. за 1887–1917, 1932 гг.
- ⁷ Описание боевых действия Манчжурских армий под Мукденом с 4-го февраля по 4-е марта 1905 г. / Сост. распоряжением бывшего Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами, действовавшими против Японии, генерал-адъютанта Куропаткина на основании официальных источников и подлинных документов. Упр. ген. квартирмейстера при Главнокомандующем: В 3 т. М., 1906–1907; Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа Военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны: В 9 т (16 ч.). СПб., 1910; Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа Исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904–1905 гг. при Морском генеральном штабе: В 7 кн. [Кн. 1–8]. СПб., 1912–1917; Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия флота. Документы. СПб., 1907–1914 гг.
- ⁸ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1038. Л. 18–18 об.
- ⁹ РГВИА. Ф. 339. Оп. 1. Д. 145. Л. 1–1 об.
- ¹⁰ Оранжевая книга (До войны): Сб. дипломат. док. СПб., 1914; Временное положение о военной цензуре в связи с действующим Уставом о Цензуре и Печати. Приложения: Правила о повременной печати и формы прошений /

- Сост. И.К. Авдеенко. Одесса, 1914; Дневник войны России с Германией, Австро-Венгрией и Турцией: Сб. Высочайших Манифестов, воззваний и телеграмм Верховного главнокомандующего о ходе военных действий. Вып. 1–2. Пг., 1914; Книга приказов двинского военного округа интендантского управления. Витебск, 1915; *Авербах О.И.* Законодательные акты, вызванные войною 1914–1915 гг.: В 4 т. Пг., 1915–1916; *Зембержицкий В.* Подача помощи раненым и их эвакуация. Воен. сб.. М., 1917. № 4.; Русские в плену у австрийцев: отчет Высочайше утвержденной Чрезвычайной Следственной Комиссии. Пг., б. г. [1916]; и др. Также см.: *Гужва Д.Г.* Военная периодическая печать русской армии в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. Новосибирск, 2009.
- ¹¹ Мировая война 1914–1918 гг.: Указ. лит. за 1914–1934 гг. Л., 1934; Мировая империалистическая война (1914–1918 гг.): Каталог книг. М., 1936.
- ¹² Подсчитано автором по: *Бабенко В.Н., Демина Т.М.* Первая Мировая война: Указ. лит. 1914–1993 гг. М., 1994; Открытый архив – 2: Справ. сб. док., вышедших в свет в отечеств. изд-вах в 1917–2000 гг. / Авт.-сост. И.А. Кондакова. М., 2005. Окончательными приведенные цифры считать нельзя. В «Указателе» В.Н. Бабенко и Т.М. Деминой говорится, что учитывались лишь издания, имеющиеся в фондах ИНИОН РАН, не включались публикации без указания года, автора. Некоторые пропуски имеются и в «Открытом архиве – 2».
- ¹³ *Ростунов И.И.* У истоков советской военной историографии // Воен.-ист. журн. 1967. № 8. С. 84–96.
- ¹⁴ *Бескровный Л.Г.* Очерки по источниковедению истории русского военного искусства. (С древнейших времен до Первой мировой войны). М., 1954; *Он же.* Очерки военной историографии России. М., 1962; *Он же.* Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986; и др.
- ¹⁵ *Виноградов К.Б.* Буржуазная историография Первой мировой войны. Происхождение войны и международные отношения. 1914–1917 гг. М., 1962; История Первой мировой войны 1914–1918 гг.: В 2 т. М., 1975 // Военная литература [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/h/ww1/index.html>; *Ростунов И.И.* Русский фронт Первой мировой войны. М., 1976; К 75-летию начала Первой мировой войны: Материалы конф. М., 1990; Первая мировая война: политика, идеология, историография. (К 75-летию начала войны): Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Б.Д. Козенко. Куйбышев, 1990 и др.
- ¹⁶ Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории / Отв. ред. Ю.А. Писарев, В.Л. Мальков. М., 1994; *Козенко Б.Д.* Отечественная историография Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 3–27; Первая мировая война. Взгляд спустя столетие: докл. и выступления участников Междунар. конф. «Первая мировая война и современный мир». М., 2011; *Крылов В.В.* Документальные публикации по истории Первой мировой войны: археографические и историографические аспекты // Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов: Материалы Междунар. науч. конф., 7–8 сент. 2004 г. М., 2006. С. 145–148; *Тархова Н.С.* Как создавалась история Первой мировой войны (о деятельности Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг.) // Там же. С. 27–38; *Шашкова О.А.* Первая мировая война в отечественной археографии межвоенного периода (1918 – начало

- 1940-х гг.) // XX век и Россия: общество, реформы, революции [Электронный ресурс]: электрон. сб. Вып. 2. С. 9–38. – Электрон. дан. – Самара, 2014. – URL: http://sbornik.lib.smr.ru/content/files/catalog1/sb20rus_02.pdf; и др. (дата обращения: 18.03.2015).
- ¹⁷ *Ильина Т.Н.* Материалы Трофейной комиссии в собрании ВИМАИВиВС // Реконструктор.рф [Электронный ресурс]. URL: http://www.reenactor.ru/ARN/PDF/Иина_03.pdf (дата обращения: 17.10.2015).
- ¹⁸ *Вознесенская И.А.* К вопросу о карточном архиве Трофейной комиссии // Сб. исслед. и материалов Воен.-ист. музея артиллерии, инженерных войск и связи. Вып. 8. СПб., 2006. С. 92–95. Самые первые реликвии по истории русских войн поступили туда еще в 1911 г. от вдовы С.М. Третьякова – Е.А. Третьяковой.
- ¹⁹ ГИАЛО (Государственный исторический архив Ленинградской области). Ф. 2168. 32 ед. хр.
- ²⁰ Летом – осенью 1916 г. в России действовала еще одна, плавучая, выставка – «Боевые трофеи настоящей войны», начавшая свою работу в Петрограде, а завершившая ее в Астрахани. Так, усилиями множества общественных и поддерживавшихся казной организаций формировалось общественное мнение, усиливались патриотические настроения – вопреки пацифистской пропаганде левых сил.
- ²¹ Ныне материалы Ратной палаты и Комиссии по организации музея войны 1914–1918 гг. хранятся в: РГВИА. Ф. 16180. 625 ед. хр. за 1896–1919 гг.
- ²² РГВИА. Ф. 339. Оп. 1. Д. 184. Л. 1 об., 4.
- ²³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1038. Л. 15, 16–17. Документы обоих комиссий хранятся в РГВИА. Ф. 16180. Оп. 1–2; Оп. 1. Д. 63; Д. 128. Л. 1–3; Д. 243. Л. 1–19.